

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Ответственный редактор
А. М. ГРАЧЁВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1994

Рецензенты Л. Н. КЕН, С. Ю. ЯСЕНСКИЙ

ISBN 5-86007-024-1

© Институт русской литературы (Пушкинский
Дом) Российской Академии наук, 1994
© Издательство «Дмитрий Буланин», 1994

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ (ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА И ПУБЛИКАЦИЯ АЛЛЫ ГРАЧЕВОЙ)

Творческое и эпистолярное наследие А. Ремизова, несмотря на превратности судьбы писателя, сохранилось с достаточной полнотой и включает в себя значительную часть еще не опубликованных материалов. После смерти Ремизова вышли в свет столь важные произведения последнего периода его творчества, как «Иверень», «Учитель музыки», «Петербургский бунт», «На вечерней заре». Еще не опубликованы второй том «России в письменах»; 4-ая оригинальная редакция романа «Пруд», подготовленная писателем в 1925 г. для издательства «Пламя»; новые редакции сборников сказок («Русские женщины» и др.). Большую ценность и с эстетической, и с исторической точек зрения имеет необозримая эпистолярная Ремизова, охватывающая разнообразные события русской и европейской жизни I-ой половины XX в.

В данной подборке представлены неопубликованные материалы, различные по времени создания, жанру и эстетической значимости. Объединяет их лишь одно: все они дают возможность увидеть новые грани таланта Ремизова в исторической динамике его развития.

Первый представленный материал — перевод драмы Мориса Метерлинка «Слепые», выполненный Ремизовым в 1904 г. Он входит в серию переводов драм бельгийского символиста, выполненных Ремизовым сначала для «Товарищества новой драмы» Вс. Мейерхольда, где писатель служил заведующим литературной частью, а затем для московской «Студии» того же режиссера. Ремизовым переведены пьесы Метерлинка «Втируша», «Внутри», «Слепые», «Смерть Тентажиля», «В стенах» («Сестра Беатриса»), «Аглавена и Селизета». Для писателя символистский театр — это не столько настоящее, сколько будущее, которое должно сменить устаревший реалистический театр, нашедший свое высшее воплощение в постановках Станиславского. Об особом художественном языке нового театра Ремизов писал в программной статье «Театр, Студия», включенной Мейерхольдом в альбом значимых вырезок 1905—1907 гг.¹ *«Всякую пьесу надо передавать ее словом, — под-*

черкивал Ремизов в этой статье, — По мере того, как открывается душа пьесы, начинает сказываться ее слово, — отыскивается тон пьесы. Если тон найден, пьеса живет и заражает. (...) В каждой фразе, кроме логического ударения, есть свое психологическое. Логическое дает контур, обрисовывает черты, но сердце показывается мистическим. Секрет так называемого «нутра», быть может, и кроется в этом последнем ударении, потому что нередко стихи, прочитанные по всем правилам декламационного искусства, бездушны, не трогают. Определить тон пьесы — найти ее слово — задача режиссера».² Осуществленные Ремизовым переводы предтеч и мастеров европейского модернизма (С. Прибышевского, М. Метерлинка, Г. фон Гофманстала, А. Стринберга, А. Жида и др.) выполнили не только свою главную задачу — ознакомить зрителя с художественными принципами «новой драмы», но и были школой для Ремизова-писателя, искавшего язык своей прозы. Большинство переводов Ремизова остались неопубликованными, в частности, такая судьба постигла драмы Метерлинка.³ Рукописи их сохранились в фонде цензуры Государственной театральной библиотеки Санкт-Петербурга (РО ЛГТБ). Пьеса «Слепые» публикуется по беловому автографу рукой неустановленного лица (РО ЛГТБ № 22634). Рукопись подвергнута цензорской правке, заключающейся в последовательном изменении названия действующего лица («Священник» на «Аббат»). На титульном листе имеется штамп, разрешающий пьесу к представлению, датированный 28 декабря 1904 г. В настоящем издании текст печатается с удалением цензорских искажений.

Особую, совершенно не изученную и почти целиком не опубликованную часть рукописного наследия Ремизова составляют его рабочие тетради. Отрывки из них вошли в книгу Н. Кодрянской «Алексей Ремизов»⁴, писавшуюся, как известно, «под глазом» и по воле самого Ремизова, и в книгу Н. Резниковой «Огненная память»⁵. Наиболее полно сохранился комплекс рабочих тетрадей конца 40-х — 50-х гг. (Париж, Собрание Резниковых). Обычно это «школьная» тетрадь в клетку, заполненная отдельными заметками, вариантами статей, выписками, набросками и планами произведений. При кажущейся хаотичности расположения материал подчинен внутренней логике. Представляется, что ремизовская рабочая тетрадь — особый вид творческого дневника писателя. По свидетельствам самого Ремизова, в юности он вел «настоящий» дневник, вел его и в период революции 1917 г. Однако уже в начале 20-х гг. писатель переходит к другой форме — так называемым «графическим дневникам». Так его словесный «Временник» лет революции завершился графическим дневником «Последний путь из России. 1921»⁶, фиксирующем последние дни Ремизовых на Родине. В 30-е гг. параллельно с графическим дневником, отражающем дневные события жизни писателя, Ремизов начал вести графический же «дневник своих снов, в котором в пластических

образах материализовалось его подсознание.⁷ Но таким образом оба эти вида дневников исключали словесный ряд выражения сознания, движения творческой мысли. И функцию не нарисованного, а изреченного дневника взяли на себя рабочие тетради Ремизова. Примечательно, что именно в них центральная тема — поиск словесного выражения образа. Значимое место в тетрадях занимают размышления о языке русского народа и его литературе, и наконец, просто списки слов, найденных в разных книгах, и как бы вводимых писателем в свой художественный язык.

Публикуемая рабочая тетрадь датируется по почерку началом 50-х гг. На ее обложке написаны пять названий, не составляющих, однако, точное оглавление содержания тетради. Автограф хранится в Собрании Резниковых.

Наконец, третий публикуемый материал — статья Ремизова «О понимании» (1955), посвященная В. В. Розанову. Тема «Ремизов и Розанов» — одна из наиболее важных в изучении творчества писателя. Ей уже посвящен целый ряд литературоведческих исследований, но она еще далеко не исчерпана. Публикуемый текст внесет новые дополнения в ее разработку: Текст статьи существует в виде двух автографов на листах тетради. Первый из них, рукой Ремизова, характерен для рукописей последних лет жизни писателя и с трудом поддается прочтению. Второй — автограф рукой неустановленного лица, представляет собой произведенную сразу после написания «расшифровку» текста Ремизова с исправлениями, внесенными по указаниям писателя. В тексте автографов имеются пометы («24.10.», «31.10», 6.11.1955»), позволяющие точно датировать рукопись. Статья печатается по второму окончательному варианту текста. Автографы хранятся в Собрании Резниковых.

Приношу благодарность семье Резниковых и особенно Е. Д. Резникову за предоставленную возможность публикации хранящихся у них материалов.

Примечания

¹ РГАЛИ, ф. 998, оп. I, ед. хр. 3318.

² «Новая жизнь», 1905, 22 сент.

³ См.: Неизвестные театральные переводы Алексея Ремизова (вступительная заметка и публикация А. М. Грачёвой): М. Метерлинк «Втируша», Г. фон Гофмансталь «Искатель приключений и певича», Х. Д. Граббе «Шутка, ирония и нечто поглубже». — «Europa orientalis», 1994, № 1.

⁴ Н. Кодрянская. Алексей Ремизов. Paris. 1959.

⁵ Н. В. Резникова. Огненная память. Berkeley. 1980.

⁶ РО ИРЛИ, ф. 256, оп. I, ед. хр. 44.

⁷ «Именинный графический полупряник Тырло. 550 снов. 22. XII. 1933 — 8. IX. 1937» — РО ИРЛИ, ф. 256, оп. I, ед. хр. 46.

Морис Метерлик

СЛЕПЫЕ

перевод с французского Алексея Ремизова

Шарлю Ван Лербергу

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Священник
Три слепорожденных
Слепой старик
Пятый слепой
Шестой слепой
Три слепых молящихся старухи
Слепая старуха
Молодая слепая
Сумасшедшая слепая

Очень старый северный лес, над его вечным лицом небо, сплошь усеянное звездами. — Посреди и в глубоком мраке сидит очень старый священник в длинной черной одежде. Слегка запрокинутые назад, мертвенно неподвижные туловище и голова его прислонены к стволу громадного дуплистого дуба. Лицо бледное, как воск, полуоткрытые фиолетовые губы. Немые неподвижные глаза погружены в созерцание невидимых тайн вечности и как бы обгарены бесконечными муками и слезами. Белые, как лунь, волосы падают прямыми и редкими прядями на лицо, которое освещено сильнее и носит на себе ярче выраженный отпечаток усталости, чем весь окружающий молчаливо-внимательный и мрачный лес. Исхудалые руки скрещены на коленях и в этом положении окоченели. — Направо, на камнях, на пнях и на сухих листьях сидят шесть слепых стариков. — Налево, напротив стариков, отделенные от них вырванным с корнем деревом и обломками скалы, сидят шесть слепых женщин. Три из них молятся и все время причитают глухим голосом. Четвертая очень стара. У пятой, сумасшедшей, на коленях спящий ребенок. Шестая в расцвете молодости, и волосы ее закрывают все ее тело. На женщинах и на стариках одинаковые, широкие, темные одежды. Большинство, упираясь руками о колени и положив головы на руки, ждет; и все они, по-видимому, уже отвыкли от бесполезных движений и не обращают внимания на глухой тревожный шум Острова. От высоких мрачных деревьев, тисов, плакучих ив и кипарисов падает на них густая тень. Недалеко от священника во мраке ночи цветет группа длинных болезненных асфоделей. Несмотря на то, что луна то там, то сям старается рассеять мрак листья, — темнота царит необычайная.

- 1-ый слепорожденный. Он все еще не вернулся?
- 2-ой слепорожденный. Вы меня разбудили!
- 3-ий слепорожденный. Я тоже спал.
- 1-ый слепорожденный. Он все еще не вернулся?
- 2-ой слепорожденный. Я не слышу шагов.
- 3-ий слепорожденный. Пора возвращаться в убежище.
- 1-ый слепорожденный. Хоть узнать, где мы.

2-ой слепорожденный. Стало холодно после его ухода.

Слепой старик. Кто-нибудь знает, где мы?

Слепая старуха. Мы шли очень долго; должно быть мы очень далеко от убежища.

1-ый слепорожденный. А! напротив нас женщины?

Слепая старуха. Мы сидим напротив вас.

1-ый слепорожденный. Стойте, я подойду к вам: (*Подымается и идет ощупью*). Где вы? — Ответьте, чтобы я понял, где вы!

Слепая старуха. Здесь; мы сидим на камнях

1-ый слепорожденный. (*Идет и натывается на дерево и на обломки скалы*) Что-то есть между нами...

2-ой слепорожденный. Лучше оставаться на своих местах!

3-ий слепорожденный. Где вы сидите? — Не хотите ли к нам подойти?

Слепая старуха. Мы не решаемся встать.

3-ий слепорожденный. Зачем он разделил нас?

1-ый слепорожденный. Я слышу кто-то молится у женщин.

2-ой слепорожденный. Совсем не время молиться! (*Три старухи продолжают молиться*).

3-ий слепорожденный. Хотел бы я знать, рядом с кем я сижу?

2-ой слепорожденный. Кажется я около вас (*Они ощупывают вокруг себя*).

3-ий слепорожденный. Мы не можем достать друг друга!

1-ый слепорожденный. А между тем мы недалеко друг от друга. (*Он ощупывает вокруг себя и задевает своей палкой 3-го слепого, который глухо стонет*). Тот кто не слышит рядом с нами!

1-ый слепой. Я не всех слышу; сейчас только нас было шестеро.

2-ой слепорожденный. Я начинаю отдавать себе отчет. Спросим и женщин надо же узнать в чем дело. Я все время слышу, как молятся эти три старухи; разве они все вместе?

Слепая старуха. Они сидят рядом со мной на камне.

1-ый слепорожденный. Я сижу на мертвых листьях.

3-ий слепорожденный. А слепая красавица, где она?

Слепая старуха. Рядом с теми, что молятся.

2-ой слепорожденный. Где сумасшедшая и ее ребенок?

Молодая слепая. Он спит, не разбудите его!

1-ый слепорожденный. О! как далеко вы от нас! Я думал вы против меня.

3-ий слепорожденный. Мы знаем теперь почти все, что надо; поговорим немного, ожидая возвращения священника.

Слепая старуха. Он велел ждать его молча.

3-ий слепорожденный. Мы не в церкви.

Слепая старуха. Вы не знаете, где мы?

3-ий слепорожденный. Мне страшно, когда я не говорю.

2-ой слепорожденный. Вы знаете, куда пошел священник?

3-ий слепорожденный. Мне кажется он слишком долго оставляет нас.

1-ый слепорожденный. Он становится слишком стар. С некоторого времени кажется он сам ничего уже не видит. Он не хочет в этом сознаться из боязни, что кто-нибудь другой займет его место; но я подозреваю, что он почти ничего не видит. Надо бы нам другого проводника; он нас более не слушает, и нас слишком много. Во всем доме только и видят три монашенки и он; и все они гораздо старше, чем мы! — Я уверен, что он потерял нас и ищет дорогу. Куда он ушел? — Он не имеет права бросать нас здесь...

Слепой старик. Он ушел очень далеко: кажется он говорил женщинам.

1-ый слепорожденный. Он только женщинам говорит разве мы не существуем? — Придется в конце концов жаловаться на него!

Слепой старик. Кому же вы будете жаловаться?

1-ый слепорожденный. Я сам еще не знаю; увидим. — Но куда же он пошел? — Я спрашиваю женщин.

Слепая старуха. Он устал от долгой ходьбы. Вероятно, он присел на минутку вместе с нами. Он уже несколько дней очень печален и очень слаб. Он стал боязлив после смерти доктора. Он одинок. Почти ничего не говорит. Я не знаю, что случилось. Сегодня он непременно хотел пойти. Он говорил, что хочет видеть Остров, в последний раз, при солнце до зимы. Зима, кажется, будет очень долгая и холодная, и лед, должно быть, уже двинулся с Севера. Он очень волновался, говорят, от сильных гроз, которые были на днях, река выступила из берегов и прорвала все плотины. Он тоже говорил, что море его пугает; кажется, волнуется оно без причины, и крутые берега Острова недостаточно высоки. Он хотел видеть, но не сказал нам, что увидал. — Теперь, должно быть, он пошел за хлебом и водой для сумасшедшей. Он сказал, что придется идти ему очень далеко... Надо подождать.

Молодая слепая. Уходя он взял меня за руки; и руки его дрожали, будто он боялся чего-то. Потом меня он поцеловал.

1-ый слепорожденный. О! О!

Молодая слепая. Я его спросила, что случилось. Он мне ответил, что не знает. Он мне сказал, что царству стариков настанет, быть может конец...

1-ый слепорожденный. Что хотел он сказать этим!

Молодая слепая. Я не поняла. Он сказал, что пойдет к большому маяку.

1-ый слепорожденный. Здесь есть маяк?

Молодая слепая. Да, на Севере Острова. Мы должно быть недалеко от него. Он говорил, что видел его огонек сквозь листву. Никогда не казался он мне таким печальным, как сегодня, и мне кажется он уже несколько дней плачет. Не знаю почему, но я тоже плакала. Я не слыхала, как он уходил. Больше я ни о чем его не спрашивала. Я слышала, что он горько улыбнулся; я слышала, что он закрыл глаза и замолк...

1-ый слепорожденный. Ничего этого он нам не говорил.

Молодая слепая. Вы его не слушаете, когда он говорит!

Слепая старуха. Вы все ворчите, когда он говорит!

2-ой слепорожденный. Уходя, он сказал нам просто «Покойной ночи!»

3-ий слепорожденный. Должно быть очень поздно.

1-ый слепорожденный. Уходя он два или три раза повторил: «Покойной ночи», как-будто шел спать. Я чувствовал, как он смотрит на меня, говоря: «Покойной ночи; покойной ночи!» — Голос меняется, когда смотришь на кого-нибудь пристально.

5-ый слепой. Сжальтесь над тем, кто не видит!

1-ый слепорожденный. Кто это говорит так некстати?

2-ой слепорожденный. Должно быть, это тот, кто не слышит.

1-ый слепорожденный. Замолчите! — совсем не время просить милостыню!

3-ий слепорожденный. Куда же он пошел за хлебом и за водой?

Слепая старуха. Пошел по направлению к морю.

3-ий слепорожденный. В его годы не ходят к морю.

2-ой слепорожденный. Мы не далеко от моря?

Слепая старуха. Да; помолчите немного; вы его услышите.

(Слышно, как спокойные волны где-то близко разбиваются, ворча, о скалы).

2-й слепорожденный. Я слышу только, как молятся три старухи.

Слепая старуха. Слушайте хорошенько, вы услышите его сквозь их молитвы.

2-ой слепорожденный. Да, я слышу, что-то недалеко от нас.

Слепой старик. Оно спало; говорят, оно просыпается.

1-ый слепорожденный. Не разумно сделал, что привел нас сюда; я не люблю этого шума.

Слепой старик. Вы хорошо знаете Остров небольшой, и его слышно отовсюду, лишь только выйдешь за ограду убежища.

2-ой слепорожденный. Я раньше никогда не слышал его.

3-ий слепорожденный. Мне кажется, сегодня оно совсем рядом с нами; я не люблю, когда оно шумит так близко.

2-ой слепорожденный. И я тоже; к тому же мы не просим выводить нас из убежища.

3-ий слепорожденный. Никогда мы не заходили до этого места; совсем не зачем было вести нас так далеко.

Слепая старуха. Утром было так хорошо; он хотел, чтобы мы воспользовались последними солнечными днями, прежде чем запереться в убежище на всю зиму.

1-ый слепорожденный. Но я предпочитаю оставаться в убежище!

Слепая старуха. Он также говорил, что нам следует хоть немного познакомиться с нашим маленьким Островом. Он сам не везде здесь бывал; здесь есть гора, на которую еще никто не поднимался, долины, в которые все боятся спускаться, и пещеры, в которые до сих пор никто не проникал. Наконец, он говорил, что незачем дожидаться солнца всегда под сводами спален; он хотел провести нас на берег моря. Он пошел туда один.

Слепой старик. Он прав; надо пользоваться жизнью.

1-ый слепорожденный. Но мы и так ничего не увидим!

2-ой слепорожденный. Сейчас солнце светит?

6-ой слепой. Не думаю, мне кажется, очень поздно.

2-ой слепорожденный. Который час?

Отдельные слепые. Я не знаю. — Никто этого не знает.

2-ой слепорожденный. Светит еще? *(К 6-му слепому)* — Где вы? — Смотрите; вы, кто немного видит, смотрите.

6-ой слепой. Должно быть очень темно; когда светит солнце, я вижу голубую полосу под веками, я видел ее, это было очень давно; но теперь я ничего не вижу.

1-ый слепорожденный. Я по голоду узнаю, когда поздно, и я голоден.

3-ий слепорожденный. Но поглядите на небо; быть может, вы что-нибудь увидите: *(Все поднимают головы к небу, кроме тех слепорожденных, которые продолжают глядеть в землю)*.

6-ой слепой. Я не знаю, есть ли над нами небо.

1-ый слепорожденный. Голос звучит так, как будто мы в пещере.

Слепой старик. Я думаю, что он так звучит потому что теперь вечер.

Молодая слепая. Мне кажется я чувствую лунный свет на моих руках.

Слепая старуха. Должно быть светят звезды, я их слышу.

Молодая слепая. Я тоже.

1-ый слепорожденный. Я не слышу никакого шума.

2-ой слепорожденный. Я слышу только шум от нашего дыхания!

Слепой старик. Я думаю, женщины правы.

1-ый слепорожденный. Я никогда не слышал звезд.

Два остальных слепорожденных. И мы тоже

(В листве неожиданно раздается шорох от пролетающих
ночных птиц).

2-ой слепорожденный. Слушайте! слушайте! — Что это над нами? — Слышите?

Слепой старик. Что-то пролетело между небом и нами.

1-ый слепорожденный. Надо бы узнать, где мы!

6-ой слепой. Я пробовал встать; вокруг меня колючки; я не решаюсь протянуть рук.

3-ий слепорожденный. Надо бы узнать, где мы!

Слепой старик. Этого нельзя нам узнать!

6-ой слепой. Должно быть мы очень далеко от дома; я больше не понимаю ни одного звука.

3-ий слепорожденный. Я давно уж слышу запах мертвых листьев!

6-ой слепой. Быть может, кто-нибудь видел Остров раньше — и может нам сказать, где мы?

Слепая старуха. Мы все прибыли сюда слепыми.

1-ый слепорожденный. Мы никогда не видели.

2-ой слепорожденный. Не будем понапрасну беспокоиться; он скоро вернется; подождем еще; но в будущем мы никогда больше не будем ходить с ним.

Слепой старик. Мы не можем одни выходить.

1-ый слепорожденный. Не будем совсем выходить, по-моему лучше не выходить.

2-ой слепорожденный. Это был праздник на Острове; мы всегда гуляем по большим праздникам.

3-ий слепорожденный. Я спал еще, когда он подошел ко мне, ударил по плечу и сказал: Вставайте, вставайте, пора, солнце очень высоко. — Была ли это правда? Я ничего не заметил. Я никогда не видел солнца.

Слепой старик. Я видел солнце, когда был еще очень молод.

Слепая старуха. Я тоже; очень давно; когда была ребенком; но я почти ничего уже не помню.

3-ий слепорожденный. И почему он выводит нас каждый раз, как показывается солнце? Кто его видит? Я никогда не знаю, гуляю ли я полднем или полночью.

6-ой слепой. Я люблю гулять в полдень; я знаю тогда бывает очень светло; и мои глаза делают большое усилие, чтобы раскрыться.

3-ий слепорожденный. Я предпочитаю оставаться в столовой у камина; такой хороший огонь был сегодня утром.

2-ой слепорожденный. Он мог нас вывести на солнце во двор; там находишься под кровом ограды; выйти нельзя,

нечего бояться, когда дверь заперта; — я всегда ее запираю. — Зачем вы трогаете мой левый локоть?

1 -ый слепорожденный. Я вас не трогал; я не могу вас достать.

2 -ой слепорожденный. Говорю вам; меня кто-то тронул за локоть!

1 -ый слепорожденный. Из нас никто вас не трогал. Слепая старуха. Боже мой! Боже мой! скажи нам, где мы?

1 -ый слепорожденный. Не можем же мы ждать вечно!

(Где-то вдали медленно бьет двенадцать часов).

Слепая старуха. О! как далеко мы от убежища!

Слепой старик. Полночь.

2 -ой слепорожденный. Полдень! — Знает кто-нибудь! — Говорите!

6 -ой слепой. Я не знаю, но мне кажется, что мы в тени.

1 -ый слепорожденный. Я больше ничего не понимаю; мы слишком долго спали!

2 -ой слепорожденный. Я голоден!

Отдельные слепые. Мы голодны и пить хотим.

2 -ой слепорожденный. Мы уже давно здесь?

Слепая старуха. Мне кажется, будто я тут уже целые века!

6 -ой слепой. Я начинаю понимать, где мы...

3-ий слепорожденный. Надо бы идти в ту сторону, где пробила полночь...

(В это время неожиданно все ночные птицы начинают шуметь).

1 -ый слепорожденный. Вы слышите? Вы слышите?

2 -ой слепорожденный. Мы не одни тут?

3 -ий слепорожденный. Я уже давно сомневаюсь в некоторых вещах; нас подслушивают. — Он вернулся?

1 -ый слепорожденный. Я не знаю, что это; это над нами.

2 -ой слепорожденный. Разве остальные ничего не слышали? Вы всегда молчите!

Слепой старик. Мы еще слушаем.

Молодая слепая. Я слышу крылья вокруг себя!

Слепая старуха. Боже мой! Боже мой! скажи нам, где мы?

6 -ой слепой. Я начинаю понимать, где мы... Убежище на том берегу большой реки; мы шли по старому мосту. Он привел нас на север Острова. Мы недалеко от реки, и вероятно могли бы разобрать ее шум, если бы прислушались хорошенько.

Надо будет идти к берегу если он не вернется...

По ней и днем и ночью плывут большие корабли, и матросы нас заметят. Быть может, мы в том лесу, который окру-

жает маяк; — но я не знаю выхода... Кто-нибудь хочет идти со мной?

1-ый слепорожденный. Останемся здесь! — Подождем, подождем; — никто не знает направления большой реки, и везде вокруг убежища болота; подождем... Он вернется; надо, чтоб он вернулся!

6-ой слепой. Кто-нибудь знает с какой стороны мы пришли? Дорогой он объяснял нам.

1-ый слепорожденный. Я не обратил внимания.

6-ой слепой. Неужели никто его не слушал?

3-ий слепорожденный. Вперед надо его слушать.

6-ой слепой. Кто-нибудь из нас родился на Острове?

Слепой старик. Вы уже знаете, что мы прибыли из других мест.

Слепая старуха. Мы пришли с другого берега моря.

1-ый слепорожденный. Я думал, что умру во время переезда.

2-ой слепорожденный. Я тоже, мы ехали вечером.

3-ий слепорожденный. Мы все трое из одного прихода.

1-ый слепорожденный. Говорят, в ясную погоду его отсюда можно видеть, к Северу. — У него тут колокольни.

3-ий слепорожденный. Нас случайно высадили.

Слепая старуха. Я не могу об этом больше думать. Я почти ничего не помню, когда говорю об этом... Слишком давно это было... Там холоднее, чем здесь...

Молодая слепая. Я пришла из очень далека...

1-ый слепорожденный. Откуда же вы?

Молодая слепая. Я не сумею это сказать. Как я вам объясню? — Это слишком далеко отсюда; это по ту сторону моря. Я родом из очень большой страны... Я сумела бы объяснить только знаками, — но мы ничего не видим...

Я слишком долго странствовала... Но я видела солнце, и воду, и огонь, горы и странные цветы...

Подобных нет на этом Острове; здесь слишком и мрачно и холодно... С той поры, как я больше не вижу, я уж не узнаю их запаха... Но я видела моих родителей и сестер... Я была слишком молода, чтобы понимать, где я была... Я еще играла на берегу моря... Но я так ясно помню, что я видела!... Как-то раз я смотрела на снег с вершины горы... Я начинала различать тех, кто будет несчастны...

1-ый слепорожденный. Что вы хотите сказать?

Молодая слепая. Я еще узнаю их иногда по их голосу... Мои воспоминания гораздо яснее, когда я о них не думаю...

1-ый слепорожденный. У меня нет воспоминаний

(Над деревьями с криком пролетают большие перелетные птицы).

Слепой старик. Опять что-то пролетает под небом.

2-ой слепорожденный. Зачем вы прибыли сюда?

Слепой старик. Кого вы спрашиваете?

2-ой слепорожденный. Нашу молодую сестру.

Молодая слепая. Мне говорили, что он может меня вылечить. Он мне сказал, что со временем я буду видеть; тогда я покину Остров...

1-ый слепорожденный. Мы все хотели бы покинуть Остров!

2-ой слепорожденный. Мы всегда останемся здесь!

3-ий слепорожденный. Он слишком стар; он не успеет нас вылечить!

Молодая слепая. Мои веки закрыты, но я чувствую, что глаза мои здоровы...

1-ый слепорожденный. Мои открыты.

2-ой слепорожденный. Я сплю с открытыми глазами.

3-ий слепорожденный. Не будем говорить о наших глазах!

2-ой слепорожденный. Вы давно уже здесь?

Слепой старик. Как-то вечером, во время я услышал незнакомый женский голос, и по голосу понял, что вы очень молоды... Мне так захотелось увидеть вас, услышать...

1-ый слепорожденный. Я тогда ничего не заметил.

2-ой слепорожденный. Он никогда нас не предупреждает!

6-ой слепой. Говорят у вас нездешняя красота?

Молодая слепая. Я никогда не видела себя.

Слепой старик. Мы никогда не видали друг друга. Мы расспрашиваем друг друга, и отвечаем друг другу; живем вместе, мы всегда вместе, но мы не знаем, что мы такое. Мы можем трогать друг друга руками; глаза знают лучше, чем руки...

6-ой слепой. Когда вы на солнце, я вижу иногда ваши тени.

Слепой старик. Мы никогда не видали дома, в котором мы живем; ощупываем руками стены и окна; мы не знаем, где мы живем!...

Слепая старуха. Говорят, это очень мрачный и очень ветхий замок, в нем никогда не видно огня, только в башне, в которой живет священник.

1-ый слепорожденный. Не надо огня тем, кто не видит.

6-ой слепой. Когда я пасу стадо в окрестностях, убежища, овцы всегда сами возвращаются домой, видя, вечером этот огонь в башне... — Они еще ни разу не заблудились.

Слепой старик. Вот годы и годы, как мы вместе, и никогда не видали друг друга! Будто всегда каждый из нас одинок!... Надо видеть, чтобы любить...

Слепая старуха. Иногда мне снится, что я вижу...

Слепой старик. Я вижу только во сне...

1-ый слепорожденный. Я вижу сны обыкновенно только в полночь. *(Сильный порыв ветра потрясает лес, и тьма листьев падает на землю).*

5-ый слепой. Кто тронул меня за руки!

1-ый слепорожденный. Что падает на нас!

Слепой старик. Это сверху; я не знаю, что это такое...

5-ый слепой. Кто тронул меня за руки? — Я задремал, не мешайте мне спать!

Слепой старик. Никто не трогал ваших рук.

5-ый слепой. Кто взял меня за руки? Отвечайте громче, я плохо слышу...

Слепой старик. Мы этого сами не знаем.

5-ый слепой. Нас пришли предупредить?

1-ый слепорожденный. Отвечать не стоит; он ничего не слышит.

3-ий слепорожденный. Надо сознаться, большое несчастье быть глухим!

Слепой старик. Мне надоело сидеть.

6-ой слепой. Мне надоело быть здесь!

2-ой слепорожденный. Мне кажется, мы сидим очень далеко друг от друга... Попробуем немного двинуться, — становится холоднее...

3-ий слепорожденный. Я боюсь встать! лучше оставаться на своих местах.

Слепой старик. Неизвестно, что отдаляет нас друг от друга.

6-ой слепой. У меня руки, кажется, в крови; я пробовал встать.

3-ий слепорожденный. Я слышу вы наклоняетесь ко мне.

(Сумасшедшая слепая вздыхает и яростно протирает глаза, упорно поворачиваясь в сторону неподвижно сидящего священника).

1-ый слепорожденный. Я слышу еще какой-то шум...

Слепая старуха. Должно быть, это наша несчастная сестра трет себе глаза.

2-ой слепорожденный. Она вечно только и делает; я слышу каждую ночь.

3-ий слепорожденный. Она сумасшедшая; она никогда ничего не говорит.

Слепая старуха. Она не говорит ни слова с тех пор, как у ней родился ребенок... Всегда она точно боится чего-нибудь...

Слепой старик. А вам здесь не страшно?

1-ый слепорожденный. Кому?

Слепой старик. Всем вам!

Слепая старуха. Да, да, нам страшно!

Молодая слепая. Нам давно страшно!

1-ый слепорожденный. Почему вы это спросили?

Слепой старик. Я не знаю, почему я это спросил!... Мне показалось что кто-то из нас сейчас вдруг заплакал.

1 -ый слепорожденный. Бояться нечего; должно быть это сумасшедшая...

Слепой старик. Что-нибудь еще случилось... Я уверен, что что-то еще случилось... Вот почему мне страшно.

Слепая старуха. Она всегда плачет, когда собирается кормить ребенка.

1 -ый слепорожденный. Только она так и плачет!

Слепая старуха. Говорят, она еще видит.

1 -ый слепорожденный. Больше никто не плачет

Слепой старик. Надо видеть, чтобы плакать...

Молодая слепая. Я слышу вокруг нас запах цветов...

1 -ый слепорожденный. Я слышу только запах земли!

Молодая слепая. Цветы, вокруг нас цветы!

2 -ой слепорожденный. Я слышу только запах земли.

Слепая старуха. Я слышу по ветру запах цветов...

3 -ий слепорожденный. Я слышу только запах земли.

Слепой старик. Мне кажется, они правы.

6 -й слепой. Где они? — Я сорву их.

Молодая слепая. Встаньте, направо от вас *(6-ой слепой медленно встает и натываясь на кусты и деревья, направляется к асфоделям, на которые наступает ногами и ломает)*.

Молодая слепая. Я слышу вы ломаете зеленые стебли! Остановитесь! Остановитесь!

1 -ый слепорожденный. Забудьте о цветах и постарайтесь вернуться!

6 -й слепой. Я боюсь вернуться!

Молодая слепая. Не надо возвращаться! — Погодите! — *(она встает)* — О! какая холодная земля! Будет мороз. — *(она прямо направляется к странным и бледным асфоделям, но сломанное дерево и обломки скал вблизи цветов преграждают ей путь)* — Вот они здесь! — Я не могу их достать; они на вашей стороне.

6 -ой слепой. Кажется я их срываю. *(Он ощупью срывает уцелевшие цветы и передает их ей; ночные птицы улетают)*.

Молодая слепая. Кажется, я когда-то видела эти цветы ... Я уже не помню их названия ... Но какие они больные, и какие мягкие их стебли! Я почти не узнаю их ... Кажется это цветы мертвых ... *(Втыкает асфодели в голову)*.

Слепой старик. Я слышу шум от ваших волос.

Молодая слепая. Это цветы ...

Слепой старик. Мы не увидим вас ...

Молодая слепая. Я никогда не увижу себя ... Холодно мне.

(В эту минуту подымается в лесу ветер, и море неожиданно начинает яростно реветь, разбиваясь очень близко о скалы).

1 -ый слепорожденный. Гром!

2 -ой слепорожденный. Кажется, подымается буря.

Слепая старуха. Должно быть это море.

3-ий слепорожденный. Море? — Неужели это море? Но оно в двух шагах от нас. Оно совсем рядом с нами! Я слышу его вокруг себя! — Это должно быть что-нибудь другое!

Молодая слепая. Я слышу шум волн и у моих ног.

1-ый слепорожденный. Это, должно быть, ветер шелестит мертвыми листьями.

Слепой старик. Женщины, кажется, правы.

3-ий слепорожденный. Оно подойдет сюда!

1-ый слепорожденный. Откуда ветер?

2-ой слепорожденный. Он с моря.

Слепой старик. Он всегда с моря; оно окружает нас со всех сторон. Он не может дуть с другой стороны ...

1-ый слепорожденный. Не будем думать о море.

2-ой слепорожденный. Но необходимо думать о нем, потому что оно дойдет до нас.

1-ый слепорожденный. Вы не знаете, оно ли это...

2-ой слепорожденный. Я слышу его волны, как будто они достигают моих рук! Нельзя нам дольше оставаться здесь! Может быть они окружают нас!

Слепой старик. Куда вы пойдете?

2-ой слепорожденный. Все равно куда! все равно куда! Я не могу больше слышать этот шум. Уйдемте! Уйдемте!

3-ий слепорожденный. Мне кажется я слышу еще что-то. — Слушайте!

(Слышны вдалеке торопливые шаги по мертвым листьям).

1-ый слепорожденный. Что-то идет к нам!

2-ой слепорожденный. Он идет! Он идет! Он возвращается!

3-ий слепорожденный. Он идет мелкими шагами как маленький ребенок...

2-ой слепорожденный. Не будем упрекать его сегодня!

Слепая старуха. Кажется, это не шаги человека!

(По лесу мимо слепых проходит большая собака. — Молчание).

1-ый слепорожденный. Кто там? — Кто вы? — Сжальтесь над нами, мы так долго ждем!... (Собака останавливается и кладет свои передние лапы на колени слепого) А! Что вы положили мне на колени? Что это такое? ... Зверь какой-то? — Кажется, это собака?... О! это собака! это собака! это собака из убежища! Поди сюда! Поди сюда! Она пришла нас освободить! Поди сюда! Поди сюда!

Остальные слепые. Сюда! сюда!

1-ый слепорожденный. Она пришла нас освободить! Она пришла сюда по нашим следам. Она лижет мне руки, как будто не видала меня целую вечность!

Остальные слепые. Сюда! сюда!

Слепой старик. Она может быть, преследует кого-нибудь? ...

1-ый слепорожденный. Нет, нет, она одна. — Я не слышу никаких шагов. — Нам не надо другого проводника; лучше и не может быть. Она поведет нас, куда мы захотим; она будет нас слушаться ...

Слепая старуха. Я боюсь идти за ней.

Молодая слепая. Я тоже.

1-ый слепорожденный. Почему? Она видит лучше нас.

2-ой слепорожденный. Не будем слушать женщин!

3-ий слепорожденный. Какая-то перемена произошла на небе; я дышу свободно; воздух стал теперь чистый ...

Молодая слепая. Это ветер с моря подул на нас.

6-ой слепой. Кажется, рассветает; должно быть восходит солнце.

Слепая старуха. Мне кажется будет еще холоднее.

1-ый слепорожденный. Мы найдем свою дорогу. Она меня тянет! ... она меня тянет. Она опьянела от радости! — Я не могу больше удерживать ее!... За мной! за мной! Мы вернемся домой!...

(Его тянет собака, подводит к священнику и останавливается).

Остальные слепые. Где вы? Где вы? — Куда вы идете? — Осторожнее!

1-ый слепорожденный. Погодите! погодите! Не ходи за мной; я вернусь ... Она остановилась. Что это так — А!а! Я дотронулся до чего-то страшно холодного!

2-ой слепорожденный. Что вы говорите! Вашего голоса почти не слышно.

1-ый слепорожденный. Я дотронулся!... Кажется я дотронулся до лица!

3-ий слепорожденный. Что вы говорите? — Мы ничего не разберем. Что с вами? — Где вы? — Неужели вы уж так далеко от нас?

1-ый слепорожденный. О!о!о! — Я сам не понимаю ... Среди нас мертвый!

Остальные слепые. Мертвый среди нас? — Где вы? Где вы?

1-ый слепорожденный. Мертвый среди нас, говорю вам. О!о! я дотронулся до мертвеца! — Вы сидите рядом с мертвецом! Кто-нибудь сейчас среди нас умер! Отвечайте же наконец, чтобы я мог понять, кто остался в живых. Где вы? — Отвечайте! отвечайте все!

(Слепые один за другим кроме сумасшедшей и глухого отвечают; три старухи перестали читать свои молитвы).

1-ый слепорожденный. Я больше не различаю ваши голоса! ... Ваши голоса все похожи! ... Они все дрожат.

3-ий слепорожденный. Двое не ответили ... Где они?
(Трогает палкой 5-го слепого).

5-ый слепой. О! Я спал; не мешайте мне спать!

6-ой слепой. Это не он. — Должно быть, это сумасшедшая?

Слепая старуха. Она сидит рядом со мной, она жива.

1-ый слепорожденный. Кажется ... Кажется это священник! — Он стоит! Идите! идите! идите!

2-ой слепорожденный. Он стоит?

3-ий слепорожденный. Значит, он не умер!

Слепой старик. Где он?

6-ой слепой. Пойдемте, посмотрим! ...

(Все кроме сумасшедшей и 3-го слепого поднимаются и ощупью подходят к умершему).

2-ой слепорожденный. Он здесь? — Это он?

3-ий слепорожденный. Да! да! я его узнаю!

1-ый слепорожденный. Боже мой! Боже мой! Что с нами будет?

Слепая старуха. Отец мой! Отец мой! — Это вы? отец мой, что с вами? — Что с вами? — Ответьте нам! Мы все вокруг вас ...

Слепой старик. Принесите воды; быть может; он еще жив ...

2-ой слепорожденный. Попробуем ... Быть может у него хватит еще сил довести нас до убежища.

3-ий слепорожденный. Не стоит; я больше не слышу его сердце. — Он холодный ...

1-ый слепорожденный. Он умер, не сказав ни слова.

3-ий слепорожденный. Он должен был предупредить нас.

2-ой слепорожденный. О! какой он был старый!... Я в первый раз дотрагиваюсь до его лица ...

3-ий слепорожденный. (*ощупывая труп*) Он выше всех нас!...

2-ой слепорожденный. Его глаза широко раскрыты, он умер со сложенными руками ...

1-ый слепорожденный. Он умер так без причины ...

2-ой слепорожденный. Он не стоит, он сидит на камне...

Слепая старуха. Боже мой! Боже мой! Я ничего не понимаю! ... ничего! ... Он давно уже был болен ... Должно быть он страдал сегодня!... — Он ни на что не жаловался ... Он только жаловался, пожимая нам руки ... Никогда не понимаешь ... Всегда не понимаешь!... Помолитесь, встаньте на колени ...

(Женщины со стоном опускаются на колени).

1-ый слепорожденный. Я боюсь стать на колени ...

2-ой слепорожденный. Неизвестно еще, на что опустишься...

3-ий слепорожденный. Разве он был болен? ... Он ничего нам не говорил ...

2-ой слепорожденный. Я слышал, как, уходя, он говорил, что-то шепотом ... Кажется он говорил нашей молодой сестре; что он сказал?

1-ый слепорожденный. Она не хочет отвечать.

2-ой слепорожденный. Вы не хотите отвечать нам? — Где же вы? — Говорите.

Слепая старуха. Вы слишком много доставляете ему страданий; он умер, благодаря вам ... Вы не захотели идти дальше, вы захотели сесть на дороге на камнях, чтобы есть, вы ворчали весь день ... Я слышала, как он вздыхал. Он упал духом ...

1-ый слепорожденный. Разве он был болен? вы это знали?

Слепой старик. Мы ничего не знали ... Мы никогда его не видели ... Что мы могли видеть нашими несчастными слепыми глазами. Он не жаловался ... Теперь слишком поздно ... При мне умерло трое ... но так никто! Теперь очередь за нами.

1-ый слепорожденный. Я не причинял ему страданий. — Я ничего не говорил ...

2-ой слепорожденный. Я тоже; мы шли за ним молча...

3-ий слепорожденный. Он умер, идя за водой для сумасшедшей? ...

1-ый слепорожденный. Что нам делать? Куда нам идти?

3-ий слепорожденный. Где собака?

1-ый слепорожденный. Здесь; она не хочет отойти от умершего.

3-ий слепорожденный. Оттащите ее! Оттащите ее! Оттащите ее!

1-ый слепорожденный. Она не хочет оставить умершего!

2-ой слепорожденный. Не можем же мы оставаться рядом с мертвецом!... Не умирать же нам в этом мраке!

3-ий слепорожденный. Останемся вместе; не отдаляйтесь друг от друга; возьмитесь за руки; сядемте все на этот камень ... Где остальные? Идите сюда! идите! идите!

Слепой старик. Где вы?

3-ий слепорожденный. Здесь; я здесь. Все здесь? — Идите ближе ко мне. — Где ваши руки? — Очень холодно.

Молодая слепая. О! как холодны ваши руки!

3-ий слепорожденный. Что вы делаете?

Молодая слепая. Я поднесла руки к моим глазам; мне показалось, что я вдруг увижу ...

1-ый слепорожденный. Кто это так плачет?

Слепая старуха. Это сумасшедшая рыдает.

1-ый слепорожденный. Она не знает правды?

Слепой старик. Должно быть, мы здесь все умрем ...

Слепая старуха. Кто-нибудь придет, может быть ...

1-ый слепорожденный. Я думаю, монахины придут из убежища ...

Слепая старуха. Они вечером не выходят.

Молодая слепая. Они никогда не выходят.

2-ой слепорожденный. Я думаю, нас могут заметить люди с большого маяка.

Слепой старик. Они никогда не спускаются с своей башни.

3-ий слепорожденный. А может быть, они нас увидят...

Слепая старуха. Они следят всегда за морем.

3-ий слепорожденный. Холодно!

Слепой старик. Слышите, мертвые листья; должно быть морозит.

Молодая слепая. О! как тверда земля!

3-ий слепорожденный. Я слышу налево от меня шум, который я не понимаю ...

Слепой старик. Это море разбивается о скалы.

3-ий слепорожденный. Я думаю, это женщины.

Слепая старуха. Я слышу, как ломаются под волнами льдины ...

1-ый слепорожденный. Кто это там дрожит? Всех нас подкидывает на камне!

2-ой слепорожденный. Я не могу больше разжать руки.

Слепой старик. Я опять слышу шум, который я не понимаю ...

1-ый слепорожденный. Кто это из нас так дрожит? Подкидывает камень!

Слепой старик. Я думаю, это кто-нибудь из женщин.

Слепая старуха. Должно быть, это сумасшедшая, которая дрожит сильнее всех.

3-ий слепорожденный. Не слышно ее ребенка.

Слепая старуха. Должно быть, он все еще у груди.

Слепой старик. Только он один и мог бы увидеть, куда мы зашли!

1-ый слепорожденный. Я слышу Северный ветер.

6-ой слепой. Больше нет звезд; сейчас пойдет снег.

3-ий слепорожденный. Если кто-нибудь из нас заснет, надо его разбудить.

Слепой старик. Мне хочется спать!

(Порыв ветра кружит мертвые листья).

Молодая слепая. Слышите мертвые листья? — Должно быть, к нам кто-нибудь идет ...

2-ой слепорожденный. Это ветер, слышите!

3-ий слепорожденный. Никто к нам не придет!

Слепой старик. Придут страшные морозы ...

Молодая слепая. Я слышу, кто-то идет, очень далеко от нас!

2-ой слепорожденный. Я только слышу Северный ветер!

Молодая слепая. Я вам говорю, что кто-то идет к нам!

Слепая старуха. Я слышу какие-то медленные шаги ...

Слепой старик. Женщины, кажется, правы!

(Снег падает крупными хлопьями).

1-ый слепорожденный. О!о! что это падает на мои руки такое холодное!

6-ой слепой. Идет снег!

1-ый слепорожденный. Сядем поближе друг к другу!

Молодая слепая. Слушайте, шаги!

Слепая старуха. Ради Бога, замолчите хоть на минуту!

Молодая слепая. Они приближаются! Они приближаются! Слушайте же! *(В это время во мраке неожиданно начинает плакать ребенок сумасшедшей слепой).*

Слепой старик. Плачет ребенок?

Молодая слепая. Он видит! он видит! наверное он видит что-нибудь раз он плачет. *(Она хватает ребенка на руки и идет в ту сторону, откуда доносился шум шагов; остальные женщины боязливо идут за ней и окружают ее).* Я пойду на встречу!

Слепой старик. Осторожней!

Молодая слепая. О! как он плачет! — Что с ним? — Не плачь. — Не бойся; — бояться нечего, мы здесь; мы вокруг тебя. — Что ты видишь? — Скажи, что ты видишь?

Слепая старуха. Шаги приближаются с этой стороны, слушайте же! Слушайте же!

Слепой старик. Я слышу шорох платья о мертвые листья.

6-ый слепой. Должно быть, женщина?

Слепой старик. Шаги ли это?

1-ый слепорожденный. Быть может, это морские брызги попадают на листья?

Молодая слепая. Нет, нет! Это шаги! это шаги! это шаги!

Слепая старуха. Мы сейчас узнаем; прислушайтесь к мертвым листьям!

Молодая слепая. Я их слышу, я их слышу почти рядом с нами! слушайте! слушайте! — Что ты видишь? Что ты видишь?

Слепая старуха. В какую сторону он смотрит?

Молодая слепая. Он все время следит за шагами! — Смотрите! смотрите! Когда я его повертываю, он оборачивается, чтобы видеть ... Он видит! он видит! он видит! — Должно быть, он видит что-нибудь странное ...

Слепая старуха. *(выступает вперед)*. Поднимите его выше, чтобы он мог видеть.

Молодая слепая. Расступитесь! расступитесь! (*она поднимает ребенка над группой слепых*) — Шаги смолкли здесь около нас!...

Слепая старуха. Они здесь! Они между нами.

Молодая слепая. Кто вы?

(Молчание).

Слепая старуха. Сжальтесь над нами!

(Молчание. — Ребенок плачет с еще большей безнадежностью).

К о н е ц

Алексей Ремизов

РАБОЧАЯ ТЕТРАДЬ. (1950-е гг.)

1. НА РУССКИЙ ЛАД
2. ЛИТЕРАТУРНОЕ ИМЯ
3. МИЛЛИОНЫ
4. СУДЬБА БЕЗ СУДЬБЫ
5. РУСАЛИЯ

НА РУССКИЙ ЛАД

Чем удивил я французов, мой ответ: «чем я занимаюсь?» — «учусь русскому языку». — «Pardon». — «Да, учусь русскому языку», — повторил я, для себя неудивительно, потому что всю мою жизнь этим занимался.

Мое завещание русскому народу: писать по-русски. Дело не в словах, а в ладе: как выражаться. Россия достойна своего слова — почему же в русских книгах сказывается не по-русски? И то, что считается образцом русской книжной речи, наши классики, написано или по-французски или по-немецки.

Голос мой не одинок, не я первый начинаю «русское дело». Для иностранцев непонятно, о чем это я беспокоюсь, какая такая блажь меня обуяла — все они пишут на своем языке и трудно им представить, что русские о своем и понятия не имеют. А русские мою заветную мысль «писать на русский лад» не понимают.

2

«Говори своим природным языком, не унижай его и в церкви, и в дому, и в пословицах. Как нас Христос научил, так и подобает говорить. Любит нас Бог не меньше греков; предал нам и грамоту нашим языком Кириллом святым и его братом.

Чего же нам еще хочется лучше того? Разве языка ангельска. Да нет, ныне не дадут до общего воскресения».

Вот вам от огненного дела Аввакума слово. И это сказано во дни, когда Симеон Полоцкий виршами «казил» русский язык и все удивлялись, а царевна Наталья Алексеевна на этих виршах представления сочиняла для театра из священной истории. А ее родной братец, Федор, скоблёная образаина, повернув ж. к Кремлю «старой веры и старого пения», сжег на Красной площади все родословия, чтобы впредь не повадно было родом чваниться, а заодно велел и Аввакума сжечь, не чванься де и своим природным русским языком. А другой ее брат Великий, «имел разум сибирский, а ус (нрзб.), лапти и сапоги носил», пел вторым тенором стихиры на все восемь гласов и по-голландски объяснялся, милитаризировал и индустриализировал Россию, всю жизнь словесно выдирался в своем немецком мундируме из московского литника, поволока дороги лазоревые, залил Красную площадь стрелецкою кровью и заколотил дубиной глубоко в землю природную русскую речь.

3

Русский язык самый звучный — «речь с героическим звоном» (Ломоносов), богатый — широта, человечность, теплое дыхание степей. «Природа ему даровала все изобилие и сладость языка еллинского и всю важность и сановитость латинского — всякородное богатство и пространство» (Тредиаковский). И еще Ломоносов: «живость и бодрость».

Верное чутье XVIII в. после Петровского развала русских людей; в языке расстроенных над могилой природной русской речи.

4

На каком языке пишутся русские книги?

Или ёрнически — гладкий или неповоротливый — щеватая колымага с ужевкой. И это слывет русским. Или бабья хлыстовская нюнь с подглаголюю или шею-оборвешь фефемью. А еще есть язык «холопкий», припадающий — как-будто и желать ничего не остается, все достигнуто — небашковая слюнявая леть, по-современному «подхалимашь».* Лепет перепевов, пустая бумага, засиженная мухами — книжная русская речь.

И вот я спрашиваю:

Заговорит ли Россия по-русски?

* Так в рукописи

Заговорит ли Россия по-русски?

Дело не в словах: чем их больше, тем просторнее, пусть с другого языка перекаверканные, ведь, наше исконное словарное ищи в монгольском словаре; (В. В. Григорьев) и не в начертании слов: его или ево, конечно или конешно, щет или счет, источник или истошный, а в ладе — строе природной русской речи.

Лад — душа народа.

Язык, как растение и как яблоня прививается. На русской земле все будет русским: и болгарское и польское и немецкое и французское, как бы не обрядить русскую речь.

С первой книги начали мудровать над природной русской речью: обрядили ее в болгарскую одёжу, болгарскую сменила церковно-славянская, церковно-славянскую — польская, в Киеве шита, потом немецкая и французская, а кончилось смесью: штапа немецкая, рукав французский.

Я говорю не о воскрешении старины, не о церковно-славянской книжной речи — ее вершина кованный свод Макарьевских Великих Четий-Миней, а последний отзвук проповеди московского Филарета и одновременно церковно-славянский обиход игумена Парфения; я говорю не о частушечном «говорке» Горбунова, отчасти грешит и Лесков, и не о бессмысленном (вне лада) представлении простонародной речи народников, — я говорю о движении слова чисто русскому, принадлежащему только русскому народу и непереводимому ни на какой иностранный язык. Я говорю о духе языка — дух не в слове, а в трепете слов, в их движении. И у каждого языка свой оборот слов, свой непередаваемый на другом языке лад. Лад — душа народа. Я говорю о русском природном ладе речи.

Заговорит ли Россия по-русски?

Или русское начало — русский природный лад, отличающий его от других народов — цветение цвета слова — забито и глушено иностранными грамматиками, а владеют одни попугаи, хранители диалектов исчезнувших народов (Гумбольд). Да что-то про попугаев в России не больно слышно: птица американская.

Над русской природной речью в веках мудровали. И в веках разнообразно создавалась русская книжная речь. XVIII век порвал всякую связь со своим исконным русским началом, заговорил и книги пишет на свой лад. В конце концов через

сатирические журналы, с лубочной пробивкой, заслуга Новикова, через немецкое Карамзина, французское Пушкина — Лермонтова, и «роскошное» польское — Марлинский и Гоголь, а за ними Толстой, Достоевский, Тургенев, Гончаров, Салтыков, Дружинин, Лесков, Слепцов, Чехов, выработалась русская проза. Все это русское, но лад природной русской речи отлетел от этой словесности, изображающей, мудрой и действующей на человеческую душу.

Всю русскую литературу можно перевести на любой иностранный язык: движение русского слова втиснуто в синтаксис по иностранным образцам, «корректировано» по Гречу и Гроту. Подлинно русское непереводаемо: можно изложить «своими словами», и только так случилось с Аввакумом.

А по-другому писать нельзя? Нельзя. Но должно: Россия достойна выражаться на своем языке — русским ладом, а не на мешанине иностранных стилей.

7*

Мне очень трудно писать. В чем дело? И еще подумал: в чем секрет писателей? А писатель это тот, у кого есть слова, с одними мыслями далеко не уйдешь.

А пишется по-разному: у одних, как само идет — так писал Белинский, другим удел — корпеть. Я никак не Белинский и каждое мое слово груз. Но я вовсе не бессловен. В чем дело? А вот в чем: в моей языковой душе идет непрерывная борьба между моим русским природным ладом и навязанной мне немецко-французской грамматикой, по ней я учился, читал образцовые произведения русской литературы.

8

Почему так бледна и неповоротлива фраза русской прозы? От втиска в чужую форму. О какой крепости и яркости может быть речь? Слово в путях и только в своем ладе свободное слово цветет.

Русский книжный человек разладный и не может выкарабкаться и напасть на свою дорогу. Ведь мы и думаем-то не по-русски, а по Гроту.

Оживить русскую прозу может только свойственный русской речи русский лад.

Изучение нашей древней письменности(сти) делу не поможет. Церковно-славянское словоуплетение подлинно оплетение живой речи.

* Так в рукописи.

Как по земле идут, надо пройти по словесной земле в веках, прикоснуться к живой русской речи. Чтение старинных документов: актов исторических и юридических.

Начать с Архива П.М.Строева.

9

Будущее, если оно будет, даст «книжную» речь русского лада. Вы посмотрите, как оживится наша скучная книга. Придушное дыхание русской речи вздохнет.

10

Тревога за судьбы русской «иностранной» книжной речи не с меня начинается. Чувствовал нелады Пушкин, высказывался Толстой. А со всем сердцем сказано впервые славянофилами: А. С. Хомяков. Я только подхватываю его слова из предисловия к песням Киреевского, Московский сборник 1853 г.

СЛОВЕСНОЕ ПОЛЕ

Большое чувство: будь то любовь, будь ненависть — мучает душу. Но только из большого чувства возникает слово. И жить для слова, страда.

Стать равнодушным найти покой.

Люди мучают друг друга и мучаются. А сколько и какая радость на земле! Цветут и зреют лимоны, я чувствую их дыхание.

И в моей вечерней заре я увидел поле — какие цветы! Это поле слов. Слова растут цветами. Я прохожу этим словесным полем, глядя и вдыхая.

Какой бережливости, какой уход просят эти нескучные быстрые поля, а как беспощадно топчут и захватывают эти недотроги цветы.

* * *

Дразнить (нрзб.)

1) Собаку 2) Слона 3) Детей 4) Индейского петуха.

Предполагается доверчивость.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИМЯ

Что определяет имя в литературе? Я думаю, личность, биография. Толстой, Достоевский, разве их словесная ценность на высоте их славы? Не будь Толстой — Лев Толстой не было бы к нему глаза, каким окружен он, и разве можно представить себе уши, которые бы закрыли свой слух при имени Толстой. То же и с Достоевским. И почему Пушкин — магия имени? Ко-

нечно, своей судьбой, как и Лермонтов. И что удивительно, какая власть имени! — Пушкинская проза никакой ценности — Греч, автор «Черной женщины» словесно куда крепче! но кто знает Николая Иваныча Греча, или Н. Ф. Павлова? А подите ж, пишут и разбирают «Капитанскую дочку», «Пиковую даму», «Барышню—крестьянку». Да это еще что, слава пушкинской прозы по его стихам, так объясняют кое-что чужое в мере слова, а Короленко — вы читали Короленко? То-то-и-оно-то, а ведь имя в первых рядах русской литературы: Чехов—Короленко. Короленко был чистой душой — вся его биография — страдательный путь чистого сердца. Жизнь даром не проходит — судьба создает имя, легенда о человеке. Навсегда останется Белинский, Чернышевский, пусть без чтения их произведений.

А мировые имена, Шекспира играют, но покажите мне читателя «Божественной комедии».

Имя стирается скудостью жизни. Я подумал, долго ли нам жить на свете? Разве что имя Революция приютит: какие писатели были свидетелями русской Революции?

МИЛЛИОНЫ

Думаю о судьбе современных русских литераторов. Ни одного оригинального имени. И такую сплошь не спасет и история — «начало и опыт советского строительства», как принято выражаться.

И вовсе не потому, чтобы не родились на Руси таланты. Тут власть живого пространства. Писать на миллионы. Я понимаю, можно осмелеть на сотни, на тысячи, но на миллионы — такая гора задавит. Своими требованиями размера умеренного она кого хочешь сделает послушным. Власть «середины» — с убийственным чутьем — «не понимаю». И никаких опытов не может быть. «Зачем?» — непременно спросится. Вот почему такая пустыня — мелкая растительность. И это вовсе не от «политики», это закон миллионов.

* * *

Всю жизнь хотел я жить с людьми по-человечески — без всякого лукавства и расчета, раздавая свое богатство: счастье (рука), голос, слово.

* * *

«Выход из себя»

В каждом человеке два «я»: высшее — это и «выходит» при потрясении и наблюдает за человеком. В оккультной гимнастике такое исхождение достигается механически, можно себя, свою жизнь, гимнастировать.

При потрясении вдруг видишь себя. Что-то липкое разлилось у моих ног и подымалось, залепляя горло, а сердце сжалось в комок, глаза не знали, куда спрятаться. Передо мной было пойманное жалкое — это я. Достаточно было щелчка, чтобы свалить и щеткой прихлопнуть, а потом вымести. Но я подумал, «срок еще не пришел» — и пришел в себя. И не глазами, мое освобожденное сердце заплакало.

Меня может ввести в себя одно движение, один взгляд. И все изгладить.

* * *

«Висеть в воздухе»

Он понял, что от него ничего не зависит, ровно ничего. Никакой власти: не толкнуть, не передвинуть.

Это и есть: повис в воздухе.

* * *

«Любовь не запрещает». Но во имя любви можно принять запрет. Для меня «запрет» — всегда загонял меня в подполье.

Мое слово о этом подполье не дошло.

Запрет: невысказанное и недоговоренное задуют все живое.

* * *

Объяснения — игра разыгравшейся мысли.

* * *

Через преступление

В моей природе — через преступление. Однажды я тронул, чего преступно, «противоестественно» было касаться.

И в моих встречах я всегда стоял перед чем-то запретным, недозволенным, «общей моралью», я невольно тянулся нарушить этот запрет.

* * *

Вся моя жизнь — преступление. Всегда наперекор.

А это возмущает, как насилие, как воровство.

• Я родился преступником, а не сделался.

И меня тянет все объяснить по себе, по моей преступной природе: как я бы что-то почувствовал, как бы я поступил. А ведь если бы все были, как я, и жить-то на земле стало бы невыносимым.

И всегда я ищу в другом скрытое, что его невольно толкает и в чем не всякий в этом признается.

Я все замечаю и помню. Хватаюсь за всякую обмолвку: в обмолвке все, может быть, и заключается.

* * *

Слова.

Для меня слова — живые существа. Могут и заласкать, могут и исцарапать, зажечь пожар и сдунут цвет чувства. Я сам вызвал их к жизни. В них мое счастье и мое несчастье.

Призраки слов негасимые.

* * *

Вещи.

Вдруг вскрикнула лампа. Подходя к окну, я наступил на провод. Какой это был беззащитный крик.

* * *

Клыки — для молчания, а бивни — они ударом ошеломят зверя.

* * *

На пороге я нашел перо. Оно мне показалось теплое. Или мои крепкие пальцы оживили его? Мое горячее дыхание проходит через мои пальцы.

Из Грудцына:

Всякий день он ждет ее. Проснется, и первая мысль: она — о ней. Он ждет. Кроты — ночи, птицы — рассвет, усталый — сна, а ему кого кроме ее? Не проходит минуты, чтобы он не держал ее в мыслях и не леял в сердце. И провожал с печалью канувший день: в этот день он не видел ее. А когда она приходит, он не знает, что и сказать от радости.

Сказка

Сказочник. Вот кого нельзя назвать «Фома неверующий». В сказочнике чересчур или через безграничная вера. В жизни непременно огорчения. Вера для него обольщающая ядовитая змея. И никакая боль, никакие огорчения, горькие ошибки его ничему не научат. Его вера — сияющая воздушная одежда, пронизана алым, это боль, выходящая наружу. Если мерить жизнью обыкновенного человека, трудно себе представить, как сказочник существует на белом свете.

* * *

Проникновение в другой мир из мира жизни видимой, осязаемой, звучащей. Мир этот сказочный. Лесенка в него воображение. Видимая жизнь неприглядна и только сказка светит и манит. А корни сказочного дара — вера. Без веры только расчет и груда событий.

ЛЮДИ — ЗВЕЗДЫ

Днем проходя по полю, сколько мы встретим знакомых цветов. Все переменчиво, (нрзб.), погода, неизменна их краска — мои полевые звезды.

В звездах ночь небесное поле. Глаза мои к небу, сколько я передумал, вы одни неизменны — мои полевые звезды.

Будем молча глядеть на звезды и слушать. Небо цветет: цветы и песни. В звездном мерцании я различаю голос.

В час, как на Земле родится человек, его ангел-хранитель подвесит на небе звезду. К звезде серебряным гвоздиком прикрепит нить и лучом она спустится на Землю, проникнет к сердцу человека — моя нить жизни.

По звездам: сколько звезд на небе, столько на Земле людей. Люди те же звезды. Свет звезды ярк, ярче — полнее жизнь человека.

Звезда упала — жизнь оборвалась.

А там, ты видишь, на небе новая звезда взблеснула
и колыбель заколыхалась на Земле.

Своя звезда для каждого тайна. Будем глазами считать звезды, загадывать о судьбе. Не надо руками показывать на звезды: звездная нить недотрога, ты случайно коснешься ее и звезда в тот же миг погаснет. И твой ангел-хранитель полетит на Землю, тоскуя, по твою душу.

МОЙ ПОСЛЕДНИЙ КАМУШЕК

Почему я повторяю «мой последний», или что-то во мне чует? А за «последним» приходит мысль: этот камушек будет мне спутником.

Ничего-то у меня не осталось. Я перевернул всю комнату, шаря, смотрел во все углы, с ножом к щелям, тычу. И ничего. И вдруг один единственный, закатившийся в сырой угол, это Тероза.

Тероза — камень царей, забвение незабываемой горькой памяти, противоядие змеиному яду.

Пусть этот камушек ляжет в основу книги. Ваша книга сказок и будет мой спутник. В камушке моя кровь. А кровь есть дух жизни и скрепа жизней.

По древнему обычаю кладу мою Терозу в основание сруба вашей сказочной постройки.

* * *

после слов: тому новорожденному в мир розово-светящемуся комочку с судьбой человека.

И я дунул пламенем тысячелетий духа моего и огненный черный плав канул в глубь черничных глаз.

* * *

Зачарованный лунный Блок.

Взвихренный Андрей Белый, путающийся и

кувыркающийся, разрываемый окликающими голосами.

ВЕЩИ

Вещи просят сказать и сказанные превращаются в живые существа

Полпортсигара Андрея Белого, Берлин, 1923. Перед отъездом в Россию.

Медная иконка «Кирик и Улита» («Монашек» в «Les yeux tondu»))

Индустриальная подкова («Учитель музыки»)

Портфель, 1897 Пенза (Кочевник)

Продовольственный портфель (1911)

Лупа (1908)

Камертон (1891)

Оленьи рога (1929)

Лупа (1908)

Карандаш (Москва)

Тероза (1948)

Магнит (1884—1885)

ЧЕРУБИНА ДЕ ГАБРИАК НЕ ВЫДУМАНА ВОЛОШИНЫМ, НЕ ПРИЗРАК, А ЖИВОЕ СУЩЕСТВО ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА ВАСИЛЬЕВА

О Е. И. В(асильевой) может рассказать А. А. Тургенева (жена Андрея Белого), а лучше всего Любовь Исааковна Красильчук-Трапезникова (Москва) да и М. В. Сабашникова знала ее. Художница, не путать с Клавдией Николаевной (жена московского доктора), антропософка, увезла Андрея Белого из Берлина в Москву в 1923 г.

Е. И. впоследствии антропософка и в больших чинах, а это случилось в содружество ее с Борисом Алексеевичем Леманом — индейцем.

«Индец» появился в 1906 г. Тоненький, и весь толкачиком и волосы в ⟨нрзб.⟩. У него были на редкость черные зубы и он служил в банке. Сам он не писал, но начитанный и любитель словесности, на всех литературных вечерах непрменный. Добрый и восторженный, когда он отвечал, он не спрашивал, было такое чувство, словно он без рук теплой водой себе лицо моет. Я его «индейцем» звал.

И вот случилось: индец вырвал черные зубы и вставил желтоватые под цвет своей кожи, округлился, не скажешь «толкачик» и сделался антропософом. А у нас перестал бывать. Тут и произошло соединение с Е. И. В. И когда появилась Черубина де Габриак, петербургские антропософы знали, что это Е. И., не знал только редактор «Аполлона» С. К. Маковский.

ГРИГОРИЙ ПЕТРОВИЧ НОВИЦКИЙ

1906 г. Студент Лесного института, зеленый. Страсть к стихам. Выпустил книжку «Необузданные скверны». Ее арестовали за «кощунство и порнографию». А в сущности ничего не было предосудительного.

Способный, но дурковатый (?).

В Париже был шофером. Занимался медовым делом «мед новицкий». Теперь как сам говорит, пишет музыку.

ХОДАСЕВИЧ И ГУМИЛЕВ

Остается загадкой: чем привлекали Г(умилев) и Х(одасевич). Г(умилев) — вид (?) волдыря, слезящиеся глаза, а когда читал, будто сквозь рвоту.

Х(одасевич) — старая собачка и по всему телу фурункулы, противная жижка — голос.

Гумилева мне было однажды жалко: за день до ареста он пришел смиренный, никакой обычной заносчивости и спрашивал у меня, повторяя: «За что я на него сержусь?» — У меня очень болела голова и д(олжно) б(ыть) в коротких ответах ему (?) было нетерпение.

И тоже в последний раз — больше я его не видал — у него вышла какая-то исто(рия) — недоразумение в «Возрождении». Он мне показался гораздо ближе очень многих и я подумал, с ним можно разговаривать: этот поймет.

Стало быть, несмотря на отталкивание можно сойтись с человеком.

* * *

Для сочинения «Повести о двух зверях» — Стефанит и Ихнелат я пользовался текстами XIV—XVII в., перевод с греческого, а греческое идет от Панчатантры.

Общ(ество) Люб(ителей) Древ(ней) Письм(енности) XVI, XXII (1877—1878) и LXIV, LXVIII (1881). Предисловие и примечания Н. Булгакова и А. Е. Викторова.

С. Смирнов, «С(тефанит) и И(хнелат)» Филологические Записки. 1879. № 3.

А. Рыстенко, «К истории повести» С(тефанит) и И(хнелат) в Византийской и славяно-русской литературе, Летопись Историко-Филологического Об(щества) при Новороссийском университете т. X, 1903, т. XVI, 1910.

Калила и Димна, с арабского И. Ю. Крачковского. Academia. М. Л., 1934.

182—183 ст. Н. К. Гудзий, История древней русской литературы. М. 1945.

Мысли и чувства Панчатантры.

Когда я прочитал текст, я почувствовал, как это мне близко, тоже жил я со зверями и все это мною виденное и слышанное. Я только и говорил о С(тефаните) и И(хнелате), всем надоел, и стали они мне во сне сниться. Так вошли они в мое и в нашу обстановку.

* * *

Мне очень не хотелось, но ничего нельзя поделать, когда судьбой решается для чего-то.

От Берестовца (имения) до города Борзна 15 верст. Мы ехали втроем: С(ерафима) П(авловна), я и Н(аташа). Не хочется писать, запишу только канву. Хозяйка меня называла не А(лексей) М(ихайлович), а А(лексей) И(ван) И(ванович). Я молчал. Меня вызывали на ответы, чтобы посмеяться. Наконец, меня прорвало и я стал отвечать по-своему и прекратил под хохот. С(ерафима) П(авловна) была очень расстроена. Н(аташа) избегала смотреть. А возвращаться, я сел с кучером. У меня было чувство: Н(аташа) меня стесняется. Это было для меня ужасно: я ее очень любил.

И вот через сколько лет я пережил то же самое чувство.

Электричество погасло. Пишу со свечой. В окно из-за стены рогатый месяц.

Алексей Ремизов

О ПОНИМАНИИ

Из всех своих книг В. В. Розанов ценил свое первое сочинение — книгу «О понимании», Изд. 1886, стр. 737, IV.

Едва ли кто знал о существовании этой книги, говоря о Розанове. «Темный лик», «Люди лунного света» упоминались и никогда я не слышал «О понимании».

Это было в те времена, когда Михаил Осипович Гершензон (1869—1925), тогда еще не автор «Грибоедовской Москвы», а «молодой писатель», сочинял стихи, потом, когда поминали ему о его поэтических опытах, стеснялся — Наш первый петербургский год, 1905, редакция «Вопросы жизни». В папке рукописей, предназначенных «к возврату» хранились мелко исписанные листки за уличающей подписью: Михаил Гершензон.

Я служил в конторе и в редакцию не совался: я должен был передавать авторам рукописи с пометкой «В», но без объяснений. Случались недоразумения: читаю в книге Сивачева (Михаил Гордеевич Сивачев, 1873 г.) «Записки бедного Макара»: обиженный автор на мое «без объяснений» готов был развернуться и прописать мне по морде «на добрую память» —

В редакции холодно, не сравнить с конторой. В конторе — мое царство — толкотня и смех.

В контору заходили не только подписчики, а и получать по счету, и писатели за авансом и гонораром: живое тянет.

Заходил и В. В. Розанов. Тут я о его любимой непокупаемой книге «О понимании»: «И чего, думаю, проще: на полку поставлю книгу и всем разумным «непокупаемым» приятелям раздам! И автору будет приятно и книге — не в залеж».

В. В. Розанов поддался и вскоре на моей свободной полке прижались друг к другу 30 экземпляров «О понимании». Потом, к злополучному «Пониманию» присоединилось, давя, 10 нарядных книг Мережковского «Петр и Алексей», изд. Пирожкова. Мережковский завистливый: почему выставлен Розанов, а не я. Мережковский сквалыга, это правда, но было и недоумение: «Петр» не угодил в заваль, в «недвижимое имущество», книгу покупали, но количество экземпляров книги не убывало. Только обнаружилось при банкротстве издателя что сверх условленных по контракту не одна тысяча экземпляров сбереглась на складе в «запас на черный день».

За месяц много перебивало народу в конторе. Ходко шла книга «О понимании».

Были помню:

А. С. Волжский (Глинка, автор статьи «Мистический пантеизм Розанова», — «Вопросы жизни», № 1—3, 1905 г.), «летучий», обуян мыслью о хлыстах — в те времена в Петербурге возник не один корабль — корабль Щетинина, корабль Легкобытова.

За Волжским помяну А. М. Коноплянцева, автор биографии Константина Леонтьева, по Елецкой гимназии ученик Розанова, инженер под стать Замятину, но размягченный.

Владимир Николаевич Княжнин (Ивойлов) с А. А. Блоком редактировал письма Аполлона Григорьева.

Я очень жалел его: автор рассказа «Семушка», в русском стиле. Верно, за «Сёмушку» в моем произношении он обиделся и припечатал меня: «куриной думой» (Письмо А. А. Блока 9 ноября 1912 г. к В. Н. Княжнину).

Дмитрий Наумович Фридберг, его стихи напечатаны в «Новом пути», 1904, говорили о нем «все знает», а скромный, не вылезал. В 1905 был выслан из Петербурга и пропал.

Владимир Алексеевич Пяст (Пястовский) (+ 1940 Москва) писал стихи, но еще не печатал, помешался на рассказах дважды беглого с каторги. И все приключения революционера принял в себя, опасаясь «быть замечену».

Борис Алексеевич Леман (Борис Дикс), после стихов — автор «Книги о Чурлянисе», (индеец), внимательный, хороший человек, а как поступил в антропософы — и раззнакомился. Понимаю, как вступает человек в духовный мир, перестает чувствовать бедовый «материальный» и земной.

Евгений Германович Лундберг, сын пастора, ученик Льва Шестова, искреннейший и правдивейший, писал рассказы, но почему-то их всегда возвращали. Мне его было очень жалко, неудачная доля — я всегда чувствую перед такими в чем-то виноватым. А стал известен в революцию, когда в Берлине [в] 1922 году сжег книгу Шестова о большевизме, щадя учителя.

Георгий Иванович Чулков, секретарь «Вопросы жизни», (1879—1939), автор «Кремнистый путь». Его соперники: Блок, Андрей Белый, Брюсов в «Весах». После закрытия «Вопросов жизни» надо было как-то обнаружиться, он придумал «мистический анархизм», как потом Гумилев сочинил «Акмеизм»: «выбиться в люди».

Михаил Дмитриевич (1743—1792) Чулков, его дед, «мелкотравчатый сочинитель» «низовой литературы», автор «Пересмешника», или «Словенские сказки», «Пригожая повариха» (1770), гнул к народной речи. «Человек, как сказывают, животное смешное, смеющееся, пересмехающее и пересмехающееся». А внук парил высоким слогом, и читал напыщенно («Годы странствий», из книги воспоминаний. 1930 г., изд. «Федерация», Москва).

Антон Владимирович Карташев и Василий Васильевич Успенский, пара: Карташев постный «шкилет», Успенский — «налитой теля». Карташев, говоря, закрывает глаза и из-под сомкнутых век — не слезы лились, а слова. Успенский от стеснения говорил с растяжкой, передыхая. Они ходили неразлучно — для оттенка. — Оба студенты Духовной Академии Александр-Невской Лавры. На собраниях в Религиозно-философском обществе на них показывали пальцем: «непорочные-девственники». Среди передовых всякие «семейные устои» были о ту пору объявлены «буржуазным предрассудком» и всякий старался чем-нибудь отличиться. А вот на тебе: блюдут по заповеди «Домостроя» попа Селивестра. Карташев и Успенский заходили в редакцию «Вопросов жизни». — И им: «пожалуйста — «О понимании» —

* * *

— Ну что мои, как? — заискивающе робко спросил В. В. Розанов, подмигивая на молодую конторщицу.

— Разошлись — сказал я с легким чувством, — все до одной.

Розанов, тычась, шурясь на полку: Невероятно!, а мог убедиться: на полке кроме семи из десяти Мережковского, — ни одной «О понимании» — пустое место. Я видел, как вдруг он заволновался, губами рассчитывая на рубли.

— И все вас благодарят, зарятся на книгу, а купить не всякий может, — все благодарят! Тоже и я.

Розанов понял мои «многократные благодарят», вспыхнул и без того по природе красный и, не глядя, отметил: на полке — 12 лет лежали как под спудом! —

— Тернавцев и сам купить мог бы. Сколько ухлопал на лодку, мало одной.

И я тут вспомнил, что я Тернавцеву не давал.

...Я так раздал тридцать книг.

«А отдал бы и сорок», — подумал я.

Так разошлось розановское «Понимание».

* * *

С Мережковским было другое.

Проверив мое «Розановские книги все разошлись» и видя на полке семь своих «нерозданных», Мережковский сразу рассердился:

— Ваши берегу к Рождеству, — сказал я и прибавил: с какой благодарностью принята книга Розанова.

Выкрикнул: «Меня обкрадывают, — не мог удержаться Мережковский, — Книги все назад!» И потребовал возвратить семь книг. Так опустела полка и рождественские подарки не осуществились.

Д. Е. Жуковский, издатель «Вопросов жизни» мне выговаривал, не глядя: обидел Мережковского.

Вторым будет Дягилев. Обиделся за мою подпись на деловой бумаге: «Дворецкий „Вопросов жизни“» — и не ответил на письмо, «потому что с лакеями он не переписывается». А тут Мережковский грозит: «Обокрали» — изволь оправдываться.

Дягилеву разъяснили «Дворецкого» и вскоре мы встретились и без всякого «лакейства», и о «дворецком» как не бывало. Но у других будет тянуться долго: читаю в воспоминаниях и сужу по письмам.

* * *

Из Киева приехал Лев Исаакович Шестов («Шестов» псевдоним, З. Н. Гишпиус будто придумала, а на самом деле из рассказа Глеба Успенского «Старьевщик»: хозяин московской харчевни — Кузьма Шестов). С Шестовым мне было всегда легко: вот кто никогда не осадит «ври, да не завирайся» — ведь это все равно, что осудить человека!

Шестову я передал «О понимании» — «от Розанова».

Только что вышла первая книга Шестова «Апофеоз беспочвенности» и Шестову было приятно внимание знаменитого писателя.

После конторы поехали на Мытнинскую набережную к Д. Е. Жуковскому. В издательстве Жуковского новинка: огро-

мадный том Куно Фишера, Гегель. Жуковский ничего не писал, а любил поговорить о философии.

У Жуковского мы застали гостя: приезжий из Москвы молодой толстовец. По его оступелому взгляду можно было сказать: вот человек после упорной борьбы нашел истину и с головой уверовал и никаким кунофишером не сшибешь.

За ужином хозяин дорвался до философии, и пошла разноголосица. Московский гость не проронил ни слова и к еде не дотронулся: никаких бобов, — сига, корюшка, навага. И тут не я — хозяйский домысел, будто для толстовца рыба, что для простых смертных свинья котлета.

А от Гегеля к Толстому.

И тут толстовец, забыв всякое «непротивление», ответил Шестову резко и вгорячах потянулся к стакану — я налил стакан запеканки: не горячит, а прохлаждает, гость хлебнул, разошелся, и поддался одухотворению.

Но все окончилось неожиданно благополучно. Спорщиков разнимать не пришлось.

Шестов, хозяин и гость заключили ужин брудершафтом.

Толстовский гость остался ночевать у Жуковского, а мы по домам.

В мою «обезьяню» память — обезьянней палаты еще тогда не было, но она будет — я записал афоризм премудрого друга: «Не возражай и не оправдывайся, и поступай как знаешь, — все равно потом будешь раскаиваться».

Д. Е. Жуковский рассказывал, какое тягостное было пробуждение после брудершафта: язык не поворачивался говорить «ты». И опять мне выговаривал: зачем напоил толстовца, я не возражал и не оправдывался.

* * *

На ловца и зверь бежит. С «Пониманием» оказалось не так-то просто, не всякому дана, книга «непокупаемая», но и не читаемая: выхолощенная словесность «истины».

Выручил Пришвин.

Бородатого зверя привел А. М. Коноплянцев, товарищ по Елецкой гимназии, где учителем географии был В. В. Розанов. Тут я Пришвину «О понимании» — «на добрую память».

Бывают же такие неестественные совпадения: мое «на добрую память» и рассказ Пришвина!

Гимназисты Розанова не любили: раздражительный до слюни — говорят, плевался и получил прозвище «козел». Розанов про козла слышал, но в лицо ему никто не говорил.

Козел был неуловим. В 8-м классе перед выпускными экзаменами на уроке географии Розанов вызвал Пришвина и гонял его, придираясь к каждому слову.

Пришвин не выдержал и глядя по-бараньи тупо в лицо учителя с ненавистью произнес — слышно всему классу: «козел».

Пришвина исключили из гимназии и никакие просьбы матери не смягчили приговор. Настоял Розанов.

О университете нечего было думать — волчий паспорт.

Мать Пришвина не рохля, Пришвин не оболтус, принять, как велено и показано, подчиниться — посмотрим!

Пришвин поехал в Германию учиться, в Лейпциге окончил агрономическую школу и вернулся в Елец ученым агрономом.

Свою ученую специальность он не применил, да ему не того надо было, его потянула география, он теперь не «волчий», поехал в Олонецкий Край и вернулся с книгой: «В стране непуганных птиц». Посчастливилось: книжку издал Вольф — издание с иллюстрациями. СПб. 1907.

И теперь — Петербург: ученый агроном и литератор.

— Все эти годы, — рассказывал Пришвин, — я думал о встрече с Розановым — как это будет?..

— К Розанову очень просто: и даже в это воскресенье, идите с Коноплянцевым.

* * *

Шестов с «Апофеозом» ходил к Розанову познакомиться и поблагодарить за подарок «О понимании». А как состоялась встреча Пришвина, не знаю, одно — что Пришвин в воскресенье был у Розанова.

О Шестове Розанов повторял «Ум кругосветный».

— Из всех моих встреч умнее я никого не встречал.

А о Пришвине, не глядя:

— Какого ты мне еще мальчишку прислал...

Я — понял и хотел прибавить «козла», но козел не выговаривался.

Серафима Павловна сказала за меня и в голосе ее прозвучало непосужаемое беспощадно:

— Козел.

У Розанова вдруг запотели очки и он беспомощно бормотал, словно и зубы у него выбили, шарил по столу за платком.

* * *

В. В. Розанов принимал сердечное участие в моей неприканной литературной жизни и нашей бедовой судьбе.

Л. И. Шестов читал мой «Пруд» и первый отклик на его «Апофеоз» — моя «завитушка» в «Вопросах жизни». Но Розанов кроме «Калечины — Малечины» (Посолонь) — ничего, и только по слухам, а слухи ходили не в мою пользу. Неужто мое «О понимании» — 30 читателей — его непокупаемой и нечитаемой книги, тронули его сердце?

— Я говорил о тебе с Валентином Александровичем Тернавцевым. Ему нужны рассказы для хрестоматии. Непременно пройди к нему и покажи свои рассказы, что-нибудь как эти «калечины-малечины».

Я не противоречил, хотя плохо верил.

Раз с письмом Розанова я носил вроде «калечины-малечины» А. В. Руманову для «Русского слова» и ничего не вышло, а у Тернавцева — хрестоматия для церковно-приходских школ.

Тернавцева я встречал на собраниях Религиозно-философского общества и у Розанова, обаятельный «цыган» из Кишинева. Улыбка — весна и в спорах, будь он и против, а как друг. Занимал он большое место в Синоде по отделу образования и страстный лодочник. В неслужебный час пропадал на гонках.

Барвара Дмитриевна Розанова на пристрастие к лодкам смотрела трезво и не одобряла, жалея Тернавцева: дома никогда не бывает.

Мне посчастливилось: хозяина я застал дома — на этот раз меня встретила не прислуга, а дети — дочери Тернавцева. В их взгляде и как со мной поздоровались: «подождать, сейчас» было отцовское — широкое.

Я познакомился с матерью — она слышала обо мне от В. В. Розанова. Не сказать старая, вернее утомленная: дети, забота и точащие душу сомнительные Невские лодки, конечно, ее ревнивое чутье, не воображение. Жили они довольно — в комнатах чисто, порядок и книги.

Вышел хозяин. Глядя на него, я подумал: был ли хоть один человек, кто мог бы на него сердиться. Вот одаренный всеми дарами беззлой природы! И за себя мне стало неловко и, как всегда стесняясь, я подал рукопись — рассказ «Богомолье», чего кажется — одно название в хрестоматию для церковно-приходских школ.

Тернавцев присел к столу и читает, не по-вагонному, а с прихлебом — цена слова.

По улыбке я понял: рассказ понравился, но плечи — движение: и рад бы, да меня... Он отложил в сторону рукопись и поднялся.

— Никак не возможно, — сказал Тернавцев с широкой улыбкой, — лет так через 50 вас...

Я протянул руку за рукописью.

— Рукопись вы мне оставьте. И в мою протянутую руку сунул три рубля — зеленую бумажку, — В. В. мне о вас рассказывал.

* * *

«О понимании» — опыт исследования природы границ и внутреннего строения науки, как цельного знания — гордость Розанова, труд 4-х университетских лет. Гимнастика, выработавшая эластичность мысли, чем и объясняется на одну и ту же тему два противоположных мнения — в «Новом времени» — В. В. Розанов, а в «Русском слове» — В. Варварин. Вспоминаю любимую книгу, Розанов сидел твердо, не ерзал и курил желтую насыпанную папиросу своей набивки, предварительно потерев ее пальцами и лукаво подмигнув.